

Н.П. Огарев

**Разбор нового крепостного
права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Огарев**
Разбор нового крепостного права / Н.П. Огарев – М.: Книга по Требованию,
2024. – 106 с.

ISBN 978-5-458-14009-6

Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сочинение Н. Огарева. Лондон, Trübner & Co, Вольная русская типография, 1861 год.

ISBN 978-5-458-14009-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

понять его и съ оставленіемъ на оброкѣ. Неужто правительство думаетъ, что министерскій циркуляръ надуетъ народъ или кого нибудь, хотя бы того чиновника, которому будетъ приказано объяснять эту вельбость? Такое презрѣніе къ публикѣ черезъ чуръ заносчиво; всякій прочитавшій циркуляръ, подумаетъ, что правительство или сдурю вретъ, или преднамѣренно лжетъ. И такъ видите-ли, что вельзя служить этому правительству, вельзя съ нимъ одного шагу ступить не запачкавшись или ни одурачившись.

Но не смотря на то, что циркуляръ смѣшонъ, что комитетъ Константина Николаевича затертъ Бутковыми и Апраксиными, все же воля народная провозглашена и такъ или иначе высказаны тѣ основанія русской жизни, которыя должны развиться изъ понятія уничтоженія крѣпостнаго права, изъ понятія освобожденія крестьянъ, т. е. право народа на землю, равномѣрное освобожденіе крестьянъ всѣхъ наименованій, уничтоженіе равно помѣщичьяго владычества и владычества министерства государственныхъ имуществъ и другихъ народобѣдныхъ учрежденій, общинное землевладѣніе и самоуправленіе, узаконеніе обычнаго права и переобразование судоустройства, всесловная выборность суда и управленія. Нить этого развитія изъ одного слова: освобожденіе крестьянъ—является какъ историческая необхо-

димось. Но правительство ниже своей задачи, оно не стало во главѣ; тѣмъ не мѣнѣе нить пойдетъ развиваться по мимо его и вопреки ему. Оно выпустило изъ рукъ живую струю и ему не на кого пенять какъ на самого себя.

Оно ничего не предприняло чтобъ поправить, передѣлать свои невриожимыя “Положенія о крестьянахъ” и хочетъ приводить ихъ въ исполненіе какъ непреложную истину. Теперь посмотримъ же что такое эти “Положенія,” принятыя не за точку отправленія, которой развитіе можно переименовать и усовершенствовать, а за ненарушимый, законченный уставъ.

Уставъ!... При этомъ словѣ невольно подумаешь — какія бы ни были убѣжденія — что правительство провело въ немъ какое нибудь одно направленіе, рядъ послѣдовательныхъ основаній, словомъ—что уставъ имѣетъ какое нибудь единство, хотя бы мы съ его основной мыслью и не были согласны. Прочтешь—и придешь къ иному заключенію. Какія основанія взяло правительство? Взяло ли оно въ основаніе общинное землевладѣніе? Въ иныхъ статьяхъ взяло. А въ другихъ?... А въ другихъ опрокинуло. Взяло ли въ основаніе свободу выбора и самоуправленія? Взяло, а въ другихъ статьяхъ опрокинуло. Взяло ли въ основаніе третейскій судъ? Взяло да и опрокинуло. Можетъ оно взяло преобладаніе не народнаго,

а дворянскаго выборнаго управленія? Взяло, а въ другихъ статьяхъ опрокинула. Что-жь, стало оно взяло въ основаніе чисто бюрократическое управленіе? Взяло, съ большой нѣжностью къ нему, но запутало его, поставивъ въ постоянно враждебныя столкновенія и съ помѣщиками и съ крестьянами, чего, впрочемъ, иначе быть не могло, потому что бюрократія, сама по себѣ, врагъ всему общественному. Въ результатѣ, если мы возьмемъ уравненіе равносильно-противурѣчащихъ началъ, то ихъ будетъ столько же положительныхъ, сколько отрицательныхъ и уставъ неприложимъ, потому что онъ равенъ ничему, или еще хуже: началъ противныхъ освобожденію больше, и тогда уставъ выходитъ уставомъ новаго рабства. Но замѣтимъ, что если пониманіе спокойно сознаетъ, что логическое противурѣчіе равно нулю, то въ жизни это сознаніе выражается иначе; оно выражается борьбой, страданіемъ, ломкой, кровью, которая уже и начала литься, доказывая горькую истину нашихъ словъ. Вамъ захотѣлось поиграть въ освобожденіе и вы не пожалѣли мужицкой крови, Александръ Николаевичъ? Ну! смотрите—какъ бы вамъ ею не захлебнуться!

Первый вопросъ, который невольно задаешь себѣ, прочитавши уставъ—для кого онъ написанъ? Всего меньше для крестьянъ. Книгу въ 43 листа двойнаго *in folio* ни одинъ грамотѣй

изъ крестьянъ не одолѣеть и ни одинъ безграмотный не прослушаетъ. Уставъ для крестьянъ долженъ быть написанъ на одномъ листѣ, въ которомъ были бы изложены всѣ основанія освобожденія, основанія на столько ясныя и опредѣленныя, что практика, что жизнь легко примѣнила бы ихъ къ отдѣльному случаю и подробностямъ. Но для такой сжатости и опредѣленности надо было, чтобъ самая мысль освобожденія была ясна, а у правительства не было ясной мысли; отъ этого оно и напутало огромную книгу туманно-зыбкихъ положеній, выдуманныхъ въ залѣ присутственнаго мѣста, отрѣшеннаго отъ народа, отъ жизни, отъ дѣйствительности и ея потребностей.

Уставъ не написанъ даже и для помѣщиковъ. Его не одолѣеть ни помѣщикъ, занятый хозяйствомъ, ни помѣщикъ просто небо копящій. Его станетъ одолѣвать только человѣкъ, которому это дѣло специально поручено отъ начальства и который найдетъ свою личную, корыстную выгоду толковать и перетолковывать сбивчивыя статьи “Положенія,” тѣмъ удобнѣе, что какая-то тусклая полугласность и яркая безотвѣтственность спеціальнаго по крестьянскому дѣлу судопроизводства, не помѣшаетъ ему всякое противурѣчье со стороны крестьянъ счесть за бунтъ, а всякое противурѣчье со стороны помѣщиковъ за красный коммунизмъ. Слѣдственно уставъ собственно напи-

санъ для чиновничества, которому поручено приводить его въ исполненіе; онъ написанъ для грабящихъ, но не для грабимыхъ, для канцеляріи, а не для народа.

Вдобавокъ редакція его такъ бездарно небрежна, или преднамѣренно запутана, что онъ весь состоитъ изъ ссылокъ не на предыдущія, а на послѣдующія статьи. Въ одномъ “Положеніи о выкупѣ усадебъ и полевыхъ угодій,” т. е. на 32 страницахъ, мы начали 15 ссылокъ впередъ. Отъ этого для привычнаго грамотѣя читать уставъ — неопратно, а для непривычнаго — непонятно. Если этотъ способъ изложенія законовъ, съ ссылкой на послѣдующія статьи, не есть преднамѣренная запутанность изъ своекорыстныхъ видовъ, то онъ доказываетъ какъ неясно мысль укладывалась въ головахъ издателей, какъ у нихъ силъ не хватало совладать съ нею и какъ они ее трепетно, для самихъ себя сбивчиво, записывали. Такая пляска св. Витта въ законодательствѣ всегда обличаетъ неясность пониманія или, говоря простымъ языкомъ, тупоуміе законодателя.

Съ чего начать? Разрозненные главы “Положеній,” даже не связанные нумераціей листовъ, представляютъ отдѣльныя тетради, въ которыхъ есть ссылки другъ на друга, но нѣтъ внутренняго послѣдовательнаго развитія, такъ что можно принять любую за первую. Этотъ

порядокъ беспорядка страшно затрудняетъ обзоръ; мы также мало понимаемъ цѣль такого рода изданія, какъ и форматъ его, который для прочтенія требуетъ валоя.

Начнемъ съ чего нибудь, хотя бы съ двухъ тетрадей разомъ.

Вотъ “Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости”; вотъ “Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости”.

1ая Статя “общаго Положенія” говоритъ: “крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда”. Кажется просто, но тутъ прибавлено: “въ порядкѣ, указанномъ въ настоящемъ положеніи и въ другихъ вмѣстѣ изданныхъ положеніяхъ и правилахъ”.

Заглянемъ въ “Правила”.

Съ первой страницы “Правиль,” ст. 2, ясно, что крѣпостное право на крестьянъ прекращается только по 4^{мъ} пунктамъ, стало это неправда, чтобъ оно вовсе отмѣнялось, какъ можетъ показаться изъ 1 ст. общаго Положенія.

По первому пункту 2ой ст. “Правиль” прекращается “перекрѣпленіе личныхъ правъ на крестьянъ и дворовыхъ людей и переуступка сихъ правъ отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ другимъ лицамъ.” Изъ этого можно заключить,

что отмѣняется только перекрѣпленіе, но что крѣпостное право личное на крестьянъ и дворовыхъ людей нынѣшнимъ владѣльцамъ предоставлено. Стало на этомъ I ст. общихъ Положеній побита, и должна быть выражена такъ : крѣпостное право отмѣняется послѣ смерти нынѣшнихъ владѣльцевъ, или, если и прежде, то не теперь, а со временемъ.

По 2му пункту “Правиль” прекращается “переселеніе крестьянъ съ однихъ земель на другія, *иначе*, какъ на основаніи правилъ. установленныхъ мѣстными положеніями” Заглянемъ въ мѣстныя Положенія. Въ мѣстныхъ положеніяхъ для 29 великороссійскихъ, трехъ новороссійскихъ и двухъ бѣлорусскихъ губерній, въ ст. 75, предоставлено помѣщику требовать *обязательнаго* для крестьянъ перенесенія усадебъ : 1) если усадебное строеніе находится ближе 50 сажень отъ помѣщичьихъ строеній ; 2) если середь господскихъ земель есть отдѣльная крестьянская усадьба, къ которой не приурочено надѣла и 3) если для разверстанія помѣщичьихъ полевыхъ угодій съ крестьянскими — *встрѣтится необходимость* въ перенесеніи нѣсколькихъ или *всѣхъ усадебъ селенія.*” Нѣтъ сомнѣнія — что такое перенесеніе усадебъ есть переселеніе съ однихъ земель на другія. Замѣчательно, что въ пущемъ разгарѣ крѣпостнаго права никому не приходило въ голову переселять крестьянъ съ мѣста на мѣсто

отъ того что ихъ усадьба ближе 50 сажень отъ господскаго дома, или конюшни, или хотя бы пустаго сарая, который хотя пусть, во все же помѣщичье строеніе; стояли они десятки лѣтъ до мнимаго прекращенія крѣпостнаго права, и тутъ вдругъ не спросясь хочетъ крестьянинъ переселиться или нѣтъ, его переселятъ; эта причина обязательнаго переселенія, и только именно эта—показалась правительству такой непреложной истиной, что этотъ пунктъ даже не подверженъ апелляціи, какъ видно изъ ст. 76, относящей два другіе пункта на рѣшеніе губернскаго присутствія, если дѣло не рѣшено единогласно на мировомъ сѣздѣ. *Необходимость* перенесенія усадьбы (ст. 72, пунктъ 3) не опредѣлена; признать ее необходимою отдаю на произволь міроваго сѣзда, котораго предсѣдатель уѣздный предводитель дворянства; представляетъ ее мировому сѣзду мировой посредникъ, назначенный губернаторомъ *изъ дворянъ, но не выбранный крестьянами*; если же и тутъ найдется голосъ въ пользу крестьянъ, то рѣшить губернское присутствіе... изъ десяти случаевъ въ девяти—въ пользу помѣщика. Это обязательное переселеніе допускается не далѣе какъ отъ 10 верстъ до 15 (ст. 81), но на счетъ помѣщика, причѣмъ однако помѣщикъ, если даетъ на новомъ мѣстѣ новыя усадьбы, то старыя беретъ себѣ. Тутъ, конечно, право помѣщика переселять

крестьянъ ограничено по разстоянію, и по рѣшенію губернскаго присутствія изъ десяти случаевъ разъ въ пользу крестьянъ; но тутъ также признавъ и узаконенъ новый поводъ къ произвольному переселенію, который не существовалъ и при крѣпостномъ правѣ. Стало это новое побужденіе къ производству помѣщика переселять крестьянъ съ мѣста на мѣсто, такъ что, относительно усадебъ—этотъ пунктъ 2ой ст. “Правиль” противурѣчить самъ себѣ, потому не прекращаетъ, а создаетъ право переселенія, и очевидно уже совершенно противурѣчить 1 ст. общаго Положенія, т. е. не отмѣняетъ, а вводитъ новый видъ крѣпостнаго права.

Но можетъ правительство въ этомъ пунктѣ думало не объ усадьбахъ, а о земляхъ и только неясно выразилось. Во-первыхъ зачѣмъ же въ законахъ неясно выражаться? А во-вторыхъ заглянемъ во 2^ю главу мѣстныхъ положеній: “о обмѣнѣ земель и угодій.” Ст. 93 предоставляетъ помѣщику право, независимо отъ полюбовныхъ соглашеній, требовать отъ крестьянъ обмѣна земель, отведенныхъ имъ въ пользованіе, для *присоеденія въ исполненіе своихъ хозяйственныхъ предпріятій*, изъ которыхъ 1^е по ст. 94, если въ крестьянскомъ надѣлѣ *найдется торфъ*. Перемѣна надѣла потребуетъ переселенія. Крестьянъ переселять, и не смотря на то, что по ст. 96, при обмѣнѣ земель слѣдуетъ дать имъ земли *равныя по достоин-*

ству, слѣдственно, если при нихъ въ надѣлѣ нашелся *торфъ*, то и новый надѣлъ слѣдовало бы имъ дать съ *такимъ же торфомъ*,—торфа имъ все же не дадутъ, а только переселятъ. Развѣ дадутъ вознагражденіе по ст. 96; ну это больше чѣмъ сомнительно, потому что вознагражденіе отдано на произволь помѣщичьи-чиновничьяго суда. Впрочемъ кромѣ торфа, составляющаго по смыслу 93 ст. *хозяйственное предприятие*, есть иныя причины для обязательнаго обмѣна земель, какъ-то (ст. 94) проведеніе канавы, устройство перевоза, или устройство водяной мельницы, или фабрики, хотя бы *одинъ* только *берегъ* находился въ пользованіи крестьянъ. И опять мировой посредникъ представить требованіе помѣщика уѣздному мировому съѣзду подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, и опять, если *одинъ* голосъ найдется въ пользу крестьянъ, то дѣло пойдетъ на рѣшеніе губернскаго присутствія, которое рѣшитъ изъ десяти разъ девять въ пользу помѣщика.

Слѣдственно, и по обмѣну земель, пунктъ 2ой ст. 2ой “Правилъ” противурѣчитъ I ст. общаго Положенія, т. е. отмѣнѣ крѣпостнаго права. Въ старомъ крѣпостномъ правѣ прекращены переселенія крестьянъ по произволу помѣщика *дальнія*, но въ новое крѣпостное право введены переселенія *ближнія*. Дальнія были рѣдки, а ближнія будутъ многочисленны и